

С.А. Папков*

S.A. Papkov *

«Дело» работников Новосибирского краевого музея (1935 г.)**"Criminal Case" of employees of the Novosibirsk Regional Museum (1935)**

DOI: 10.31518/2618-9100-2019-1-3

УДК 343.43.+316.722(571.1)

Выходные данные для цитирования:

Папков С.А. «Дело» работников Новосибирского краевого музея (1935 г.) // Исторический курьер. 2019. № 1 (3). Статья 3. URL: <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-1-03.pdf>

DOI: 10.31518/2618-9100-2019-1-3

How to cite:

Papkov S.A. "Criminal Case" of employees of the Novosibirsk Regional Museum (1935) // Historical Courier, 2019, # 1 (3). Article 3. [Available online:] <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-1-03.pdf>

Abstract: Political exile in the USSR was an important tool for controlling the behavior of the intelligentsia and a way of restricting the rights of social groups hostile to the Soviet system. The article deals with an episode of liquidation of one of the "anti-soviet groups" seized by the NKVD bodies from the staff of the Novosibirsk Regional Museum.

The author describes the process of collecting and using "compromising materials" for the arrest of employees of the museum and their associates; presents data on the previous career of intellectuals and their social origin. They were exiled scholars and artists, accused of spreading bourgeois ideology and fascist views. The article describes the course of the NKVD "investigation" and the procedure for sentencing; provides information about the fate of convicts after leaving the camps of the Gulag.

Keywords: political exile; intellectuals; museum; NKVD; arrests; court sentence; camp detention; rehabilitation.

The article has been received by the editor on 28.01.2019.

Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация: Политическая ссылка играла существенную роль в советской системе управления как инструмент контроля за поведением интеллигенции и как способ ограничения прав общественных групп, признанных враждебными советскому строю. В статье рассматривается эпизод ликвидации одной из «антисоветских групп», изъятых органами НКВД, из состава работников Новосибирского краевого музея – ссыльных ученых и деятелей искусства, обвиненных в распространении буржуазной идеологии и фашистских взглядов. Дается описание процесса сбора и использования «компрометирующих материалов» для ареста служащих музея и круга их единомышленников. Представлены данные о предшествующей карьере интеллигентов, а также об их социальном происхождении, послуживших основанием для систематических преследований и ссылки в Сибирь. Приводятся сведения о характере чекистского «следствия» и процедуры вынесения внесудебных приговоров. Три или пять лет заключения в концлагерь для большинства арестованных – таков итог их непродолжительной работы в музее и жизненной карьеры к середине 1930-х годов, а попытки добиваться объективного рассмотрения «дела» оказались бесплодны. Дается также описание судьбы осужденных после завершения лагерного срока заключения: у одних – заметный научный и жизненный успех, у других – крах и утрата надежды.

Ключевые слова: политическая ссылка; интеллигенция; музей; НКВД; аресты; приговор; лагерное заключение; реабилитация.

* Папков Сергей Андреевич, д-р ист. наук, старший научный сотрудник Института истории СО РАН (Новосибирск, Россия), e-mail: spapkov@ya.ru

Papkov Sergej Andreevich, Doctor of Historical Sciences, Senior researcher in Institute of History SB RAS (Novosibirsk, Russia), e-mail: spapkov@ya.ru

В 1920-е – 1930-е годы Новосибирск занимал важное место среди крупнейших городов СССР не только как административный центр огромной территории и стратегический военно-промышленный узел Востока страны. Его специфическая роль состояла также в исполнении функции, характерной для восточных провинций страны как традиционного места политической и социальной ссылки. В течение десятилетия органы ОГПУ-НКВД отправляли сюда сотни (а с 1927 г. – тысячи) граждан различных общественных групп и асоциальных элементов для продолжительной изоляции. Основная часть из них, как «бывшие кулаки» и уголовники, направлялась еще глубже – в таежные резервации или на стройки социализма, часть поселялась в самом Новосибирске для выполнения разного рода черновых, счетно-бухгалтерских, инженерно-технических и других видов работы.

В результате подобных манипуляций режима к середине 1930-х годов в Новосибирске образовался целый слой «новой интеллигенции» из «бывших людей», осужденных или сосланных из европейских городов страны по признакам классовой неблагонадежности или просто по подозрению. Как лица иногда с очень высокой квалификацией, они получали места в советских учреждениях, где их профессиональные знания и опыт находили достойное применение, но непременно под надзором госбезопасности. Работа в советских организациях давала не только избавление от неминуемого голода и нищеты. Одновременно она означала и определенные риски – риски новых подозрений и новых арестов для тех, кто завязывал знакомства с такими же изгоями и вступал с ними в неформальные отношения. Ни солидарность, ни общность интересов для ссыльных были недопустимы¹.

Одним из учреждений, которые в 1930-е годы служили прибежищем для ссыльных творческих работников, являлся Новосибирский краевой краеведческий музей. Поскольку профессиональных музейных работников в Сибири были лишь единицы и само музейное дело совершало лишь первые шаги, привлечение ссыльных ученых и специалистов было не только частичным решением кадровой проблемы, но и создавало некоторое преимущество: по воле ОГПУ–НКВД опыт и практика столичных учреждений культуры распространялись и в провинции.

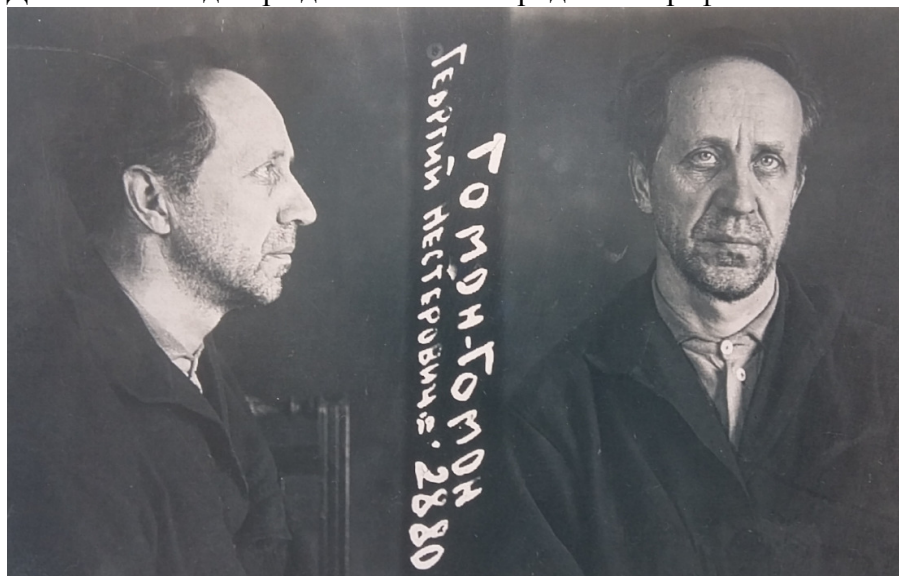
Однако в апреле 1935 г. музею был нанесен сокрушительный удар²: управление НКВД арестовало почти половину состава его ведущих специалистов, представлявших старую, дореволюционную школу научного и художественного творчества, благодаря которым музей имел высокий научно-просветительский потенциал как один из центров культурной жизни города и края. Это были неординарные и очень образованные люди, но не вполне благонадежные по советским меркам 1930-х годов: консультант музея, профессор-археолог К.Э. Гриневич³, заведующий мастерской музея, скульптор Г.Н. Гамон-Гаман⁴, научный

¹ Характерные примеры разрушения связей интеллигенции акциями НКВД в Сибири в 1920-е – 1930-е годы описаны в ряде публикаций. См.: Папков С.А. «Социально-опасные субботники» барона Тизенгаузена и его друзей. // Книга памяти жертв политических репрессий по Новосибирской области. Вып. 1. Новосибирск, 2004. С. 358–375; Донченко А.С., Папков С.А., Самоловова Т.Н. Из истории сибирских научно-исследовательских институтов животноводства и ветеринарии в период политических репрессий 1930-х годов. // Сибирский вестник сельскохозяйственной науки. 2016. № 5. С. 97–105; Папков С.А. «Заговорщики-просвещенцы». «Педагогическая контрреволюция» в Новосибирске в середине 1930-х годов // Книга памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области. Вып. 5. Новосибирск, 2018. С. 346–355.

² Архив УФСБ по Новосибирской области. Д. 14452.

³ Гриневич Константин Эдуардович – 08 (21).09.1891 г.р., урож. г. Вологды. Из семьи уездного землемера. Образование высшее (Киевский университет, исторический ф-т). Археолог, специалист по древней Греции; профессор (с 1928 г.), доктор исторических наук (с 1944 г.). Участник ряда археологических экспедиций на Юге России. С 1920 – директор Керченского музея древностей; приват-доцент Московского ун-та. С 1924 – директор Херсонесского музея. С 1928 г. – заместитель заведующего Главмузея Наркомата просвещения РСФСР (Москва). Арестован в Москве в 1932 г. как «украинский националист»; по постановлению ОСО при ОГПУ сослан в Новосибирск. С июня 1933 г. работал научным консультантом в Новосибирском краевом музее. Вновь арестован 23.04.1935 г. по обвинению в причастности к «к[онтр]р[еволюционной] фашистской группе, которая проводила антисоветскую агитацию, направленную на ослабление мощи Советского государства».

сотрудник, зоолог и охотовед Б.Ф. Бельшев⁵ и его жена, зоолог музея Анна Глебова, братья Александр и Сергей Витте⁶, один из которых также являлся сотрудником музея (материалы следствия НКВД косвенно подтверждают их линию родства с графом С.Ю. Витте).

Постановлением ОСО при НКВД от 02.12.1935 г. приговорен к 5 годам ИТЛ. Срок отбывал в Карлаге НКВД (Казахская ССР).

⁴ Гамон-Гаман Георгий Несторович – 07.06.1880 г.р., урож. г. Риги. Датчанин. Из семьи домовладельца. Образование спец. художественное (школа живописи (Рига), Академия изящных искусств (Мюнхен)). С 1904 г. учился и работал в Академии художеств в Петербурге, затем в Мюнхене и Париже. В 1912–1915 гг. жил в Москве, открыл частную студию, преподавал искусство рисунка и офорта. С 1918 г. – безработный, жил распродажей по частям коллекции живописи и антиквариата, унаследованной от отца. Значительная, наиболее ценная, часть коллекции в 1924 г. была реквизирована и распределена в Эрмитаж, Государственный Русский музей, Художественный музей в Гатчине. В 1927 г. арестован по обвинению в том, что «имея скрытую связь с сотрудниками иностранных консульств в Ленинграде, занимался шпионажем в их пользу». Постановлением ОСО при ОГПУ от 20.04.1928 приговорен к 3 годам ссылки в Сибирь. Срок отбывал в г. Киренске Иркутского округа, затем в Новосибирске. С сентября 1932 по январь 1935 – скульптор, заведующий макетно-муляжной мастерской в Новосибирском краеведческом музее. Вновь арестован 23.04.1935 г. по обвинению в причастности к контрреволюционной фашистской группе. Постановлением ОСО при НКВД от 02.12.1935 г. приговорен к 5 годам ИТЛ. Срок отбывал в Туломском отделении ИТЛ на строительстве Беломоро-Балтийского канала. См.: *Иванов Александр*. Черная дыра. Белое пятно. // Мир музея. 2010, № 4. С. 27–29.

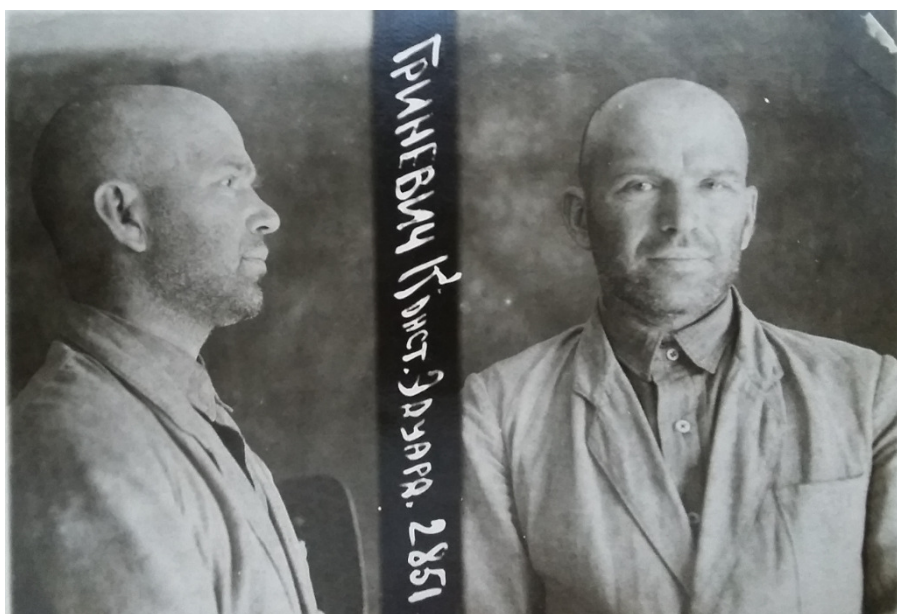
⁵ Бельшев Борис Федорович – 13.12.1910 г.р., урож. г. Томска. Из семьи преподавателя Томского педагогического, затем технологического ин-та. Образование высшее (Ленинградский гос. ун-т, на последнем курсе был исключен из-за конфликта с комсомольцами рабфакковского набора). В декабре 1932 г. арестован в Ленинграде по обвинению в антисоветской деятельности («за близость к контрреволюционно настроенным людям»). Постановлением ОСО при ОГПУ приговорен к ссылке на три года в Западную Сибирь. Работал охотоведом в г. Тара в конторе отделения «Сибпушнины». «За добросовестную работу» получил разрешение ОГПУ перевестись в Новосибирск. С 1932 г. по апрель 1935 г. – научный сотрудник (зоолог, географ и охотовед) Новосибирского краевого музея, по совместительству – консультант в Институте защиты растений и в Зоопарке. Вновь арестован 23.04.1935 по обвинению в контрреволюционной деятельности. Постановлением ОСО при НКВД от 02.12.1935 г. приговорен к 5 годам ИТЛ. Срок отбывал в Воркутинских лагерях (Ухтижемлаг НКВД).

⁶ Витте Сергей Германович – 1892 г.р., урож. С.-Петербурга. Русский. Из дворян. Образование высшее. В 1924 г. выслан из Ленинграда на Урал. В нач. 1930-х гг. проживал в Новосибирске, преподавал немецкий язык в 12-й образцовой школе. В 1935 г. – инструктор Маслопрома. Арестован 07.08.1935 г. по обвинению в антисоветской агитации. Постановлением ОСО при НКВД от 02.12.1935 г. приговорен к трем годам ИТЛ. Срок отбывал в отделении Белбалтлага НКВД. Дальнейшая судьба неизвестна.

Витте Александр Германович – 1896 г.р., урож. С.-Петербурга. Русский. Из дворян. Инженер. Выслан из Ленинграда как «антисоветский элемент» (по подозрению в масонстве). Подвергался аресту в 1928 и 1930 гг. Отбывал ссылку в Томске, затем в Новосибирске. В 1935 г. – заведующий кафедрой иностранных языков в Новосибирском институте военных инженеров транспорта, преподаватель немецкого языка. Подвергался заключению в ИТЛ; срок отбывал в Вишерлаг НКВД. На 1937 г. – доцент Института военных инженеров транспорта и учитель школы № 55 в Новосибирске. Вновь арестован 27.10.1937 г. Осужден комиссией НКВД и Прокурора СССР к ВМН. Расстрелян 24.12.1937 г. в Новосибирске.

Одновременно с ними чекисты арестовали еще ряд их знакомых и друзей из числа ссыльных, с которыми они поддерживали связи или коротали время длинными вечерами, бывая в гостях друг у друга: экономист Сельхозбанка, бывший офицер барон П.В. Розенберг⁷, заведующая кафедрой иностранных языков строительного института Е.П. Вартапетова-Бореско⁸, вузовский преподаватель немецкого языка С.А. Матвеев, экономист-плановик «Запсибзолото» А.Н. Черных и В.Ф. Тутомлин – всего 11 человек.

Из этого списка по крайней мере двое арестованных отличались особым статусом и наиболее заметным вкладом в науку и искусство. Один из них – К.Э. Гриневич, о котором специальная статья в «Большой Советской энциклопедии» 1930 года сообщала как о крупном археологе и организаторе музейного дела в СССР⁹; второй – художник и скульптор Г.Н. Гамон-Гаман – создатель ряда ярких произведений и крупный коллекционер, чье семейное собрание, большей частью конфискованное советскими властями, существенно обогатило российский национальный музейный и художественный фонд.

Как и в других подобных случаях, основанием для ареста группы интеллигентов были обыкновенные встречи, совместные праздники и сопутствующие им частные разговоры, содержание которых в определенный момент достигло ушей НКВД. «Мы встречались у кого-либо на квартире за игрой в карты, а после устраивали ужин, рассказывали анекдоты, обсуждали газетные материалы [...], – сообщал на следствии Александр Витте. – Во время наших вечеров были разговоры о тяжелом положении интеллигенции, особенно сосланных в

⁷ Розенберг Петр Васильевич – 1873 г.р., урож. д. Васильевка Новгородской губ. Из семьи офицера. Образование спец. военное (Николаевское кавалерийское уч-ще). Барон. В 1900-1903 гг. служил в лейб-гвардии Кирасирском Ее Величества полку. С 1911 г. – ротмистр запаса. В 1935 г. – старший экономист Новосибирского отделения Сельхозбанка. 23.04.1935 арестован по обвинению в контрреволюционной деятельности. Постановлением ОСО при НКВД приговорен к 5 годам ИТЛ. На 1937 г. – бухгалтер в артели «Лесохимик» в Даурском районе Красноярского края. Вновь арестован. Решением тройки УНКВД по Красноярскому краю 05.10.1937 г. приговорен к ВМН.

⁸ Вартапетова-Бореско Евгения Петровна – 1888 г.р., урож. С.-Петербурга. Инженер-химик. В 1926 г. выслана из Ленинграда «за контрреволюционную деятельность» (по подозрению в масонстве). В 1935 г. – заведующая кафедрой иностранных языков в Сибстрине, преподаватель английского. 22.04.1935 г. арестована как участница антисоветской группы. Постановлением ОСО при НКВД от 02.12.1935 г. приговорена к пяти годам ИТЛ. Срок отбывала на строительстве Беломоро-Балтийского канала (ББКстрой НКВД).

⁹ Гриневич, Константин Эдуардович // Большая Советская Энциклопедия. Т. 19 / ред. О.Ю. Шмидт. М., 1930.

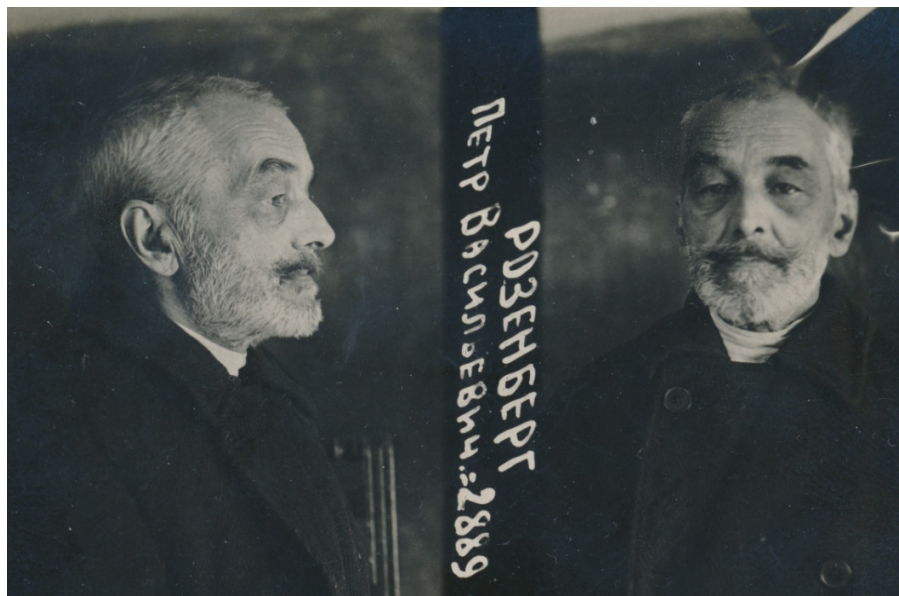
Сибирь. [...] Но об антисоветской деятельности группы мне ничего не известно [...]»¹⁰. Такой же характер имели показания и остальных арестованных.

Сотрудники секретно-политического отдела УНКВД Западно-Сибирского края, проводившие «расследование» – А.А. Ягодкин, М.И. Длужинский, Г.Д. Погодаев, Р.Н. Волов – не спешили выносить заключение и действовали как бы «по закону», соблюдая необходимые процедуры. Для полноты следствия они запросили характеристики на музейных работников, и руководство музея в лице директора Гайчука отнеслось к этой просьбе с полным пониманием. В представленных отзывах о своих коллегах Гайчук, преодолевая трудности орфографии, написал, как от него и ожидали:

«Бельшев Борис Федорович [...] За время работы в Музее проявил себя как идеологически враждебный и не поддающийся исправлению в Музее элемент. Открыто отрицал партийность в науке, проповедуя теорию «чистой» науки. [...] В разговоре со мной как директором Музея о причинах его ссылки Бельшев заявил, что [...] причиной стал разговор со следователем. На вопрос следователя – «Какое у вас отношение к ГПУ?» – он ответил, что ГПУ – это паразиты народа, а террор он, как гуманный человек, не переваривает. Были со стороны Бельшева факты пропаганды своих антисоветских взглядов среди сотрудников Музея с целью их протаскивания в музейное строительство. Так, например, в разговоре с зав. политпросветом Музея Трегубовым Бельшев удивленно спрашивал, почему Троцкого не показывают в историко-революционном отделе Музея?».

«[...] Гамон-Гаман в Музее работал с 09.1932 по 01.1935 в качестве зав. макетно-муляжной мастерской [...] Общественную жизнь игнорировал. Никаких кружков не посещал. В начале 1935 г. окончательно разоблачен и уволен из Музея 16/1 - с.г.».

«Гриневич К.Э [...] по образованию и специальности – профессор-археолог. Прикрывается марксистскими фразами, на деле является представителем буржуазного мировоззрения [...] Свое буржуазное мировоззрение он систематически протаскивал в практику работы Музея. Так, в 1933 г. при помощи его в качестве ученого-консультанта Музей получил большой отпечаток буржуазного краеведения (показ экспозиций без классовой борьбы, голые экспонаты и проч.) [...] Отчислен в связи с арестом»¹¹.

Допросы арестованных и сбор компрометирующих данных о преступных действиях группы тянулись более полугодом: вызывались свидетели из музея, опрашивались знакомые подозреваемых, производились обыски. Материалы дела выросли до нескольких томов. В

¹⁰ Архив УФСБ по Новосибирской обл. Д. 14452. Т. 5. Л. 94.

¹¹ Там же. Т. 4. Л. 167, 169, 171.

итоге чекистам удалось установить, что кроме «антисоветских разговоров» и обсуждений политики обвиняемые занимались также спиритическими сеансами, «вызывая дух бывшего фашиста Рема». Этих фактов оказалось достаточно для обвинительного вердикта. В конце 1935 г. материалы об антисоветской группе музейных работников из Новосибирска были направлены в Особое совещание при НКВД, а в декабре вынесено постановление ОСО: восемь человек, как «участники антисоветской фашистской группы», приговаривались к заключению в ГУЛАГе. Пятеро из них – Гриневич, Гамон-Гаман, Розенберг, Бельшев и Вертапетова-Бореско – к пяти годам исправительно-трудовых лагерей, трое – Матвеев, Глебова и С. Витте – к трем годам ИТЛ. Последующий жизненный путь осужденных принял столь же непредсказуемые обороты, как и в предшествующий советский период. Для одних он стал очень коротким и трагическим, для других превратился в череду драматических испытаний, унижений и разочарований с последующим возвращением к нормальной жизни.

Бывший офицер и барон Петр Васильевич Розенберг, отбывавший срок в Красноярском крае в качестве бухгалтера, осенью 1937 г. вновь был арестован и приговорен тройкой НКВД к расстрелу. В этот же период был расстрелян и Александр Витте.

Профессор К.Э. Гриневич после приговора ОСО попал в Карлаг НКВД (Карагандинская обл.), где ему предстояло отсидеть в заключении до весны 1940 г. Продолжая следить за событиями в стране, он не оставлял надежды на справедливое решение своей судьбы и предпринимал для этого отчаянные усилия. В октябре 1938 г., после того, как окончательно был устранен и осужден на показательном процессе бывший нарком внутренних дел Г.Г. Ягода, заключенный Гриневич обратился с письмом к новому наркому Н.И. Ежову. Как ученый и гуманист, он видел общую картину совершаемого произвола в стране и потому стал просить о справедливости не только для себя, но для всех невинно осужденных, массу которых ему пришлось встретить в недрах ГУЛАГа.

«Процесс гнуснейших право-троцкистов и омерзительная роль в нем Наркомвнудела Ягоды, – писал профессор, – должны Вам открыть глаза на то, что тысячи людей были им невинно осуждены, чтобы покрыть этим истинных преступников и показать, втереть очки Партии и Правительству, будто они вскрыли в стране фашистские и другие к[онтр]р[еволюционные] группировки. Помните, что эти невинные люди до сих пор томятся в заключении, что у них сломана, смята вся их личная жизнь, они оторваны от любимой работы и что государство несет ущерб, вред – в виде изъятия из него ценных и нужных работников. [...]

Раньше я думал, что я – жертва несовершенства советской юстиции, но присматриваясь к соседям по камерам и по лагерю, я убеждался, что здесь что-то другое. Сейчас мне все стало

ясно. Теперь я знаю, что я – жертва вредительства со стороны подлых троцкистов, засевших в НКВД. Когда я был арестован ночью 23/IV-1935 и приведен в тюрьму, то я целую ночь и день ломал голову над тем: за что меня могли арестовать? [...] Уже прошло без месяца 3 года (!) как я влачу дни в заключении, не зная за что. Неужели хоть теперь Вы не пересмотрите дела и не примете мер к тому, чтобы хоть остаток моей жизни (мне уже 47 лет, я был научным работником, профессором) провести в научном труде. Здесь, в лагере, уже три года как я преподаю в здешней школе. [...] Я читал лекции по географии на курсах агитаторов при Парткоме Управления Карлага [...]»¹².

Но реакции на свое обращение Гриневич не получил. После окончания полного срока он с сентября 1940 г. стал работать в Томском университете, до 1948 г. заведовал кафедрой древней истории и по совместительству преподавал в пединституте. В 1948 г. он переехал в Нальчик и устроился в Кабардинский пединститут. С 1950 г. был заведующим кафедрой всеобщей истории в Нежинском пединституте им. Гоголя в Черниговской области.

Судьба Г.Н. Гамон-Гамана складывалась менее благополучно. Свой лагерный срок художник отбывал в Туломском отделении Белбалтлага НКВД, работая «оформителем по скульптуре и архитектуре». Как ценного специалиста, руководство ГУЛАГа привлекало его также к организации сельскохозяйственной выставки в Москве для оформления павильона Северо-востока. За успешное выполнение этого задания ему назначили премию и освободили из заключения на год раньше срока «без дополнительного ограничения». Он поселился в Александрове Владимирской области, жил случайными заработками: оформлял выставки для райисполкома, писал портреты Сталина для госучреждений, преподавал музыку в педучилище по классу скрипки¹³. Только после смерти Сталина он получил возможность переехать в Москву, чтобы продолжить творческую деятельность. С 1962 г. Г.Н. Гамон-Гаман стал работать в должности преподавателя на кафедре рисунка в Московском архитектурном институте, но жил по-прежнему одиноко и в крайней нужде. Умер в сентябре 1964 г.

Для биолога Бориса Большева заключение в ИТЛ также закончилось весной 1940 г., после чего он первое время работал в Томске, а затем получил место научного сотрудника в Баргузинском заповеднике в Бурятии. В сентябре 1941 г. в связи с началом войны штат служащих и сотрудников заповедника был значительно сокращен. Большев переехал в Усть-

¹² Архив УФСБ по Новосибирской обл. Д. 14452. Т. 5. Л. 11–12.

¹³ Там же. Т. 4 доп.

Убинский район Иркутской области на должность охотоведа, но в 1942 г. по состоянию здоровья оставил эту работу и устроился в Колпашево на противомаларийную станцию, а затем на областную станцию в Томске и в институт эпидемиологии и микробиологии, где стал углубленно заниматься научными проблемами. В 1946 г. его перевели на поселение в г. Бийск на Алтайскую противотуляремийную станцию. Здесь он оставался до 1958 г., работал в краеведческом музее и преподавал в Бийском пединституте. В 1954 г. Высшая аттестационная комиссия разрешила Бельшеву защитить кандидатскую диссертацию «Стрекозы Нижнего Приобья» в порядке исключения, так как у него не было законченного высшего образования, в 1963 г. он стал доктором биологических наук. С 1967 г. работал в Биологическом институте Сибирского отделения Академии наук СССР, где создал группу учеников и фактически сделал Новосибирск центром одонатологических исследований в стране. В эти годы он опубликовал монументальную и первую в своем роде региональную трехтомную монографию «Одонатофауна Сибири» и двухтомник «География стрекоз». Профессором Бельшевым была собрана одна из крупнейших в мире коллекций стрекоз, насчитывающая около 30 тысяч экземпляров. При его участии в 1986 г. в Новосибирске был проведен первый всесоюзный симпозиум одонатологов. Умер в марте 1993 г. в Новосибирске.

В числе уцелевших и продолживших деловую карьеру была и Евгения Петровна Вартапетова-Бореско. После освобождения из заключения в апреле 1940 г. ей позволили вернуться к преподавательской деятельности. С 1946 г. до конца 1950-х гг. она работала старшим преподавателем иностранных языков в Белорусской сельскохозяйственной академии в г. Горки Могилевской области.

«Музейное дело» 1935 г. – неординарный и в то же время вполне типичный эпизод из культурной истории Новосибирска и России в целом в советско-большевистскую эпоху. Оно отчетливо отразило характер взаимоотношений власти и того слоя интеллигенции, который в силу традиции, образования и профессиональной деятельности сохранял еще остатки независимого поведения и свободного творческого самовыражения. Однако даже скрытые проявления этики несогласия и духовного сопротивления совершенно не вписывались в рамки советской системы управления и советского бытия. В глазах правящего коммунистического слоя они не могли рассматриваться иначе, как затаенная угроза, как элементы подрыва авторитета власти, требующие оперативных карательных мер. И режим без особой огласки, скрытно использовал весь арсенал безжалостного подавления подобных противников. Возникшее практически на пустом месте «дело» служащих музея не содержало

никаких показательных уроков. Оно демонстрировало лишь реакцию обычной диктатуры, для которой сам факт существования рядом неких «социальных элементов», не разделяющих ее идеологии и утопий и склонных называть вещи своими именами, был очевидным вызовом.

Литература

Большая Советская Энциклопедия. Т. 19 / ред. О.Ю. Шмидт. М., 1930.

Донченко А.С., Папков С.А., Самоловова Т.Н. Из истории сибирских научно-исследовательских институтов животноводства и ветеринарии в период политических репрессий 1930-х годов // Сибирский вестник сельскохозяйственной науки. 2016, № 5. С. 97–105.

Иванов А. Черная дыра. Белое пятно // Мир музея. 2010. № 4. С. 27–29.

Папков С.А. «Социально-опасные субботники» барона Тизенгаузена и его друзей. // Книга памяти жертв политических репрессий по Новосибирской области. Вып. 1. Новосибирск, 2004. С. 358–375.

Папков С.А. «Заговорщики-просвещенцы». «Педагогическая контрреволюция» в Новосибирске в середине 1930-х годов. // Книга памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области. Вып. 5. Новосибирск, 2018. С. 346–355.

References

Bol'shaya Sovetskaya Entsiklopediya. Tom devyatnadsatyy. Red. O.Yu. Shmidt. M., 1930.

Donchenko A.S., Papkov S.A., Samolovova T.N. Iz istorii sibirskikh nauchno-issledovatel'skikh institutov zhiivotnovodstva i veterinarii v period politicheskikh repressiy 1930-kh godov [From the history of the Siberian research institutes of animal husbandry and veterinary medicine during the period of political repression of the 1930s // Siberian Journal of Agricultural Science] // Sibirskiy vestnik sel'skokhozyaystvennoy nauki. 2016, № 5. S. 97–105.

Ivanov A. Chernaya dyra. Beloe pjatno. [Black hole. White spot. // World of the museum.] // Mir muzeja. 2010, № 4. S. 27–29

Papkov S.A. "Sotsial'no-opasnye subbotniki" barona Tizengauzena i ego druzey ["Socially dangerous Saturday" by Baron Tizengausen and his friends. // The book of memory of victims of political repression in the Novosibirsk region.] // Kniga pamyati zhertv politicheskikh repressiy po Novosibirskoy oblasti. Vyp. 1. Novosibirsk, 2004. S. 358–375.

Papkov S.A. "Zagovorshchiki-prosveshchentsy". "Pedagogicheskaya kontrevolyutsiya" v Novosibirske v seredine 1930-kh godov ["Educators-conspirators". "Pedagogical counterrevolution" in Novosibirsk in the mid-1930s. // The book of memory of victims of political repression in the Novosibirsk region.] // Kniga pamyati zhertv politicheskikh repressiy v Novosibirskoy oblasti. Vyp. 5. Novosibirsk, 2018. S. 346–355.

Статья поступила в редакцию 28.01.2019 г.